

63.3(4/34)

Б Е Л А К У Н

ВЕНГЕРСКАЯ
СОВЕТСКАЯ
РЕСПУБЛИКА
1919
ГОДА

ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1959

Б Е Л А К У Н

9(430)
К.91

ВЕНГЕРСКАЯ
СОВЕТСКАЯ
РЕСПУБЛИКА
1919
ГОДА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва, 1959

Сборник «Венгерская Советская Республика 1919 года» включает 5 статей видного деятеля венгерского и международного коммунистического и рабочего движения Бела Куна. Один из основателей Коммунистической партии Венгрии и один из руководителей Венгерской Советской Республики Бела Кун глубоко и всесторонне анализирует огромное значение Венгерской Советской Республики для венгерского и международного пролетариата, ее положительный опыт и успехи и, наконец, причины поражения диктатуры пролетариата в Венгрии в 1919 году. Страстно и беспощадно бичует он правых социал-демократов, сыгравших предательскую роль в поражении Советской республики в Венгрии. Бела Кун подробно разбирает ошибки, допущенные венгерскими коммунистами в этот период.

Публикуемые статьи пронизаны глубокой верой в силу пролетарского интернационализма, в неизбежность победы пролетарской революции; они проникнуты непоколебимой верой в венгерский пролетариат и в его авангард — марксистско-ленинскую партию, верой в светлое будущее венгерского народа и всего человечества.

ЧЕМУ МОЛОДЕЖЬ ДОЛЖНА НАУЧИТЬСЯ НА ПРИМЕРЕ ВЕНГЕРСКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ?

I

В ближайшие дни исполнится пять лет с тех пор, как небольшая группа (нас, старых бойцов, было совсем мало) борцов венгерского рабочего движения 20 ноября 1918 года создала в Будапеште Коммунистическую партию Венгрии. Почти пять лет прошло и с тех пор, как возникла Венгерская Социалистическая Федеративная Советская Республика (21 марта 1919 года).

Между этими двумя событиями лежат всего четыре месяца. С основания Коммунистической партии Венгрии до захвата государственной власти венгерским рабочим классом прошло примерно столько же времени, сколько продолжался период пребывания у власти трудящихся, период революционной диктатуры пролетариата в Венгрии.

Совпадение длительности этих двух периодов — от возникновения партии до захвата власти, с одной стороны, от захвата власти до падения диктатуры — с другой, — вовсе не случайность. Кратковременность существования Венгерской Советской Республики объясняется если и не исключительно, то в большей степени тем, что *коммунистическая партия, авангард пролетариата, в течение упомянутого слишком короткого исторического периода не успела стать крепкой, твердой организацией.* Поэтому и не оказалось у пролетарской диктатуры в Венгрии такого руководителя, каким в России с самого начала пролетарской революции была большевистская партия, имевшая за собой полтора десятка лет боевого марксистского, революционного прошлого.

Коммунистический Интернационал, особенно его II конгресс, весьма тщательно обсудил уроки венгерской революции. Те из тезисов II конгресса, в которых разбирается вопрос о роли коммунистической партии и ее отношении к центристским партиям, а также условия вступления в Коминтерн, основываются в большей своей части на опыте венгерской пролетарской революции и Коммунистической партии Венгрии. Таким образом, этот опыт, купленный кровью венгерского пролетариата, стал общим достоянием рабочих всего мира. Но он не вошел еще в нужной степени в кровь и плоть международного рабочего класса. Нынешняя борьба германского пролетариата за власть, борьба Коммунистической партии Германии и иллюзии относительно поведения социал-демократических вождей показывают, что необходимо вновь и вновь возвращаться к урокам венгерской пролетарской революции.

II

Почему же погибла Венгерская Советская Республика?

Причины падения, оценивая их почти через пять лет, кратко и схематично можно определить так:

1. Небольшая территория Советской республики и, следовательно, отсутствие места для отступательных военных действий.

2. Отсутствие того счастливого сплетения условий международного политического положения, о котором товарищ Ленин неоднократно говорил как об одном из факторов, спасших русскую революцию.

3. Отсутствие организованной, централизованной, дисциплинированной и, следовательно, способной маневрировать коммунистической партии.

4. Неразрешенность крестьянского вопроса, то есть вопроса о земле.

Первые две из перечисленных причин ясны на первый взгляд и тем, кто даже слабо знаком с историей венгерской пролетарской революции. «Искалеченная» Венгрия, в которой пролетариату удалось взять власть в свои руки, располагает столь крошечной территорией,

что от одного края до другого скорому поезду требуется не больше 10—12 часов. Чешская граница находится на расстоянии 60—70 километров от столицы Венгрии Будапешта, где сосредоточены значительная часть промышленности (особенно военной) и большинство рабочих. В конце мировой войны договором о перемирии границы страны были определены таким образом, что ни в какой степени не обеспечивали ее безопасности. При наступлении противника надо было немедленно отступать, предоставив ему территорию. И если бы венгерская пролетарская армия отступала столько же, сколько в течение одной недели отступала российская Красная Армия во время похода Колчака или Деникина, она очутилась бы уже вне территории страны. При таких условиях пролетарская диктатура должна была пасть, как только исчезла возможность военными силами удерживать столицу — центр военной промышленности и пролетариата.

Каково же было международное положение в то время, когда венгерский пролетариат держал власть в своих руках? С одной стороны, международный империализм и его наемники, окружающие Венгрию (Чехословакия, Румыния, Югославия), располагали еще не демобилизованными армиями, не связанными ни внутренними, ни внешними вражескими силами; с другой стороны, Советская Россия при всем своем желании не могла оказать военную помощь молодой Венгерской Советской Республике. Как раз в то время Колчак занял Пермь и наступал в направлении Вятки. Позже, когда мы рассчитывали, что красные войска, наступающие на Украине в направлении Бессарабии и Галиции, оттянут на себя военные силы Румынии, превосходящие наши силы, восстание известного авантюриста атамана Григорьева поставило под угрозу тыл самих русско-украинских красных войск. Международный авторитет Советской России в то время был весьма незначителен. Антанта назначила дипломатические переговоры на Принцевых островах. Советская Россия, еще не располагая никакими дипломатическими связями, не могла, следовательно, дипломатическим путем оказать нам помощь.

Провозглашение Венгерской Советской Республики совпало с тем периодом международной революции,

когда демобилизационный кризис капитализма уже пришел к концу и волны международной пролетарской революции начинали спадать. Спустя несколько дней после провозглашения Венгерской Советской Республики закончился первый боевой период революции в Германии (падение Баварской Советской Республики). Коммунистический Интернационал только что был создан. Секции же Коминтерна в большинстве стран находились еще в стадии организации. В соседних с Венгрией странах, в Румынии и Чехословакии, коммунистических партий еще не было, а в Югославии коммунистическая партия только что образовалась. Коммунистическая партия Австрии в то время так же, как и теперь, была не в состоянии развернуть серьезного выступления против сильной и хорошо организованной австрийской социал-демократической партии, правые и левые лидеры которой в одинаковой степени осуществляли по поручению Антанты блокаду Венгрии. Более того, из недавно опубликованных документов выяснилось, что один из видных лидеров австрийской социал-демократии — Реннер сам настаивал перед Антантой на вооруженной интервенции против Венгерской Советской Республики.

В странах Антанты еще не было крупных коммунистических партий. Идеи коммунистической революции выражали только небольшие группы, притом туманно и без организованного влияния на массы. Несколько организаций, входящих во II Интернационал, назначили на 21 июля международную политическую забастовку, лозунги которой были направлены против вмешательства империалистов в дела Венгерской и Российской социалистических республик. Но эта забастовка была сорвана. Коминтерн в своем воззвании от 25 июля вполне справедливо указывал, что первым результатом этого предательства является подготовка империалистами нового штурма против героической Венгерской Советской Республики.

В такой международной обстановке, без всякой реальной поддержки венгерский пролетариат больше четырех с половиной месяцев был не в состоянии продолжать борьбу за сохранение той власти, *которая и без того стояла не на твердых ногах.*

III

Из уроков венгерской пролетарской диктатуры прежде всего и больше всего заслуживают внимания те, которые связаны с вопросом: почему была слаба власть пролетариата.

21 марта, когда была провозглашена Советская республика, коммунистическая партия существовала всего около четырех месяцев. Освободить широкие массы или, по крайней мере, решающие слои венгерского рабочего класса от традиций социал-демократии в течение этих четырех месяцев было невозможно. Еще меньше могла идти речь об *организационном* охвате тех слоев рабочих, которые стали ориентироваться на коммунистическую партию. Это было тем более невозможно, что арест и избиение (почти до смерти) руководителей коммунистической партии и союза молодежи, совершившиеся еще 21 февраля 1919 года при участии и при живом одобрении со стороны правых и «левых» лидеров социал-демократии, а также разгром партийных организаций — все это на время прервало незадолго до этого начатую организационную деятельность партии.

За коммунистической партией стояли массы. Живая, жгучая революционная агитация, правильно подобранные, соответствующие моменту лозунги, смелые и беспощадные революционные выступления всколыхнули весь пролетариат и поставили социал-демократических лидеров, как правых, так и «левых», в безвыходное положение. Однако эти массы организационно входили в профессиональные союзы и в социал-демократическую партию. Объединить их организационно в коммунистическую партию не представлялось еще возможным, хотя фактом основания такой партии они доказали бы, что умеют оценить значение и роль партии. Положение осложнялось той особенностью структуры венгерского рабочего движения, что каждый член профсоюза был одновременно и членом социал-демократической партии. Обстановка была такой же, как и в норвежском рабочем движении, где даже значительная часть коммунистов оказала сильное сопротивление предложению об индивидуальном приеме в коммунистическую партию, а

не коллективном, через профсоюзы. С членов профсоюза вместе со взносами в профсоюз взимались и взносы в социал-демократическую партию, а исключение из социал-демократической партии означало исключение из профсоюза. Естественно, широкие массы рабочих крепко держались за свои профсоюзы, и коммунистическая партия — кроме небольшой ее части — своевременно осознала, что не следует бойкотировать профсоюзы, находящиеся под реформистским руководством, а необходимо овладеть ими.

21 марта, после того как социал-демократические лидеры под влиянием нажима масс и внешней обстановки признали на бумаге программу коммунистической партии, последняя объединилась с партией социал-демократов. *И уже в этом объединении крылись зачатки падения диктатуры.* Молодая, организационно еще не окрепшая коммунистическая партия, имея всего одного-двух руководителей с большим революционным опытом, почти бесследно растворилась в социал-демократической каше.

Иллюзия о том, что старых лидеров социал-демократии и профсоюзную бюрократию удастся в два счета отстранить от политического руководства и использовать только в области организации хозяйства, должна была исчезнуть. Даже большая часть левых лидеров социал-демократии, из которых многие после падения диктатуры стали хорошими коммунистами, в то время была тысячами нитей связана с правыми лидерами социал-демократии. В этой области мы, коммунисты, совершили целый ряд ошибок. Мы не проявили достаточно энергии, чтобы отстранить социал-демократических лидеров от их должностей. Ради левых социал-демократических деятелей мы пощадили правых. При этом у нас было очень немного коммунистов-руководителей и членов партии, имеющих за собой практический стаж, прошлое и опыт, которые можно было бы противопоставить дезорганизующей деятельности лидеров социал-демократов, имевших большой опыт.

Тщетны были наши стремления исправить ошибку, какой явилось объединение с социал-демократами. *Коммунистическая партия растворилась в социал-демокра-*

тической партии, а социал-демократическая партия растаяла, растворилась в рабочих советах и различных советских учреждениях. Венгрия во время диктатуры оказалась без организованной рабочей партии. Имелись профсоюзы, кооперативы, рабочие клубы, была даже рабочая армия, только не было рабочей партии. На третьем месяце существования диктатуры обнаружилось, какие роковые последствия вытекали из этого обстоятельства. Затруднение было тем более значительно, что даже среди коммунистов не все признавали эту ошибку. *Было много коммунистов, утверждавших, что с образованием Советской республики вообще исчезла надобность во всякой партии.* «Рабочие советы — все; надо положить конец даже профсоюзам»¹.

Вопросы о взаимоотношениях партии и Советов рабочих депутатов, партии и профсоюзов были запутанны и неясны еще долго после падения Венгерской Советской Республики. Вот почему, естественно, не нашло отклика в широких кругах стремление создать вместо «растворенной» коммунистической партии и социал-демократической партии организованную, централизованную, дисциплинированную рабочую партию. Это было, впрочем, невозможно еще и потому, что война связывала все силы и работа нашей подпольной организации (в которой уже участвовали и некоторые левые руководители профсоюзов) против лидеров социал-демократов не могла протекать достаточно энергично и быстро.

Ввиду отсутствия коммунистической партии Советы рабочих депутатов и профсоюзы находились вне организованного руководства со стороны коммунистов. Профсоюзы и советский государственный аппарат были открыты для саботажа со стороны профсоюзной бюрократии и старых чиновников, вступивших в члены социал-демократической партии во время буржуазной революции. Ясно, что саботаж стал возможен потому, что в учреждениях некому было сплотить под единым руковод-

¹ Профсоюзная бюрократия, отождествлявшая себя с профсоюзами, сумела эти нелепые выпады, направленные против профсоюзов, с успехом использовать перед рабочими массами против коммунистов.

ством и без того малочисленных коммунистов. В армии вследствие отсутствия необходимой организационной работы не было ни соответствующего состава комиссаров, ни соответствующей политической работы. Ввиду того что после возникновения Советской республики пришлось немедленно вступить в бой с регулярными армиями, нужно было сразу же использовать офицерство старой армии. Из-за отсутствия организованного коммунистического руководства мы не могли заботиться о политическом контроле.

Непонимание сущности и роли партии дошло до того, что один из левых лидеров социал-демократии серьезно рекомендовал влить формально еще функционировавший Центральный секретариат партии в Народный комиссариат по внутренним делам на том основании, что последний призван руководить внутренней политикой Советского государства.

В таких условиях положение социал-демократии, лидеров профсоюзов и связанных с ними буржуазных слоев чрезвычайно облегчалось. И наоборот, руководящая деятельность тех, кто глубоко и серьезно стремился сохранить пролетарскую диктатуру, в большинстве случаев стала неуверенной, ибо в их руках не было организации, способной к руководству.

Центрами рабочего движения становились профсоюзы, почти полностью сохранившие в хаосе первых недель революции свои старые формы. Именно профсоюзы являлись видимым представительством рабочего класса. В них-то и организовала социал-демократическая партийная бюрократия контрреволюцию. С помощью профсоюзов она использовала политический, военный и продовольственный кризис для срыва диктатуры. А использовать для этого профсоюзы она могла ввиду отсутствия руководства и влияния коммунистической партии. Молодому рабочему России, получившему в готовом виде хорошо организованную, централизованную РКП(б), способную влиять на широкие рабочие и крестьянские массы, умеющую маневрировать и имеющую за собой большие революционные традиции и опыт, трудно понять и даже представить себе, что дело может обстоять иначе. На примере венгерской револю-

ции, сочетая этот пример с российским опытом, молодой рабочий может и должен научиться следующему.

1. *Без коммунистической партии, без коммунистического руководства рабочий класс не может освободиться окончательно даже в том случае, если благодаря счастливому стечению обстоятельств он получит власть в свои руки.*

2. *Социал-демократия, меньшевики стремятся свести дело революции к торжеству контрреволюции даже в том случае, если они принимают платформу Советской власти.*

IV

Второй основной причиной, приведшей Венгерскую Советскую Республику к гибели, была *неразрешенность крестьянского вопроса — вопроса о земле*. Венгрия, хоть и не в такой степени, как Россия, является, прежде всего, аграрной страной. Правда, она имеет развитую промышленность, пролетариат, состоящий из превосходно квалифицированных рабочих. Но главную массу ее населения составляют сельскохозяйственные рабочие, карликовые и мелкие земельные собственники. Распределение земель в Венгрии приобрело всемирную известность, ибо нигде, даже в России, не было оно столь непропорциональным. Из общей площади пахотной земли в 1916 году 35 процентов приходилось на хозяйства размером больше 100 моргенов (50 десятин). Если же брать всю земельную площадь, то еще большая часть приходится на крупные поместья. Громадный процент населения, живущего сельскохозяйственным трудом, состоит из абсолютно безземельных чернорабочих и батраков.

Советская республика декретом от 3 апреля распорядилась, чтобы все крупные и средние хозяйства со всем движимым и недвижимым инвентарем безвозмездно перешли в собственность Советского государства. Один из декретов, появившихся несколько позже, освобождал от экспроприации все хозяйства меньше 100 моргенов. Национализированная таким образом земля подлежала формально кооперативной обработке, но фактически

управление этими хозяйствами осталось в тех же руках, в чьих оно находилось прежде: в руках управляющих крупными поместьями, без участия заинтересованных крестьян. Часть сельскохозяйственных батраков все-таки почувствовала, что пролетарская диктатура освободила их. Но безземельные сельскохозяйственные чернорабочие, бывшие временными рабочими в крупных имениях, земли не получили и поэтому не были заинтересованы в сохранении пролетарской диктатуры.

Таким образом, аграрная революция в Венгрии не была завершена. Часть крестьян смотрела на переворот равнодушно, другая же часть их относилась к пролетариату прямо враждебно, отчасти потому, что не была удовлетворена, а отчасти и потому, что боялась хлебных реквизиций. Только небольшая часть крестьянства сочувствовала революции и еще меньшая сочувствовала ей активно. Часть руководителей Советской республики настаивала на том, чтобы не дробить крупные хозяйства, ибо это угрожало якобы «непрерывности производства». Они догматически держались за этот фетиш и не хотели понимать, что революция по необходимости нарушает «непрерывность производства» и что без жертв пролетариат не сможет победить...

В широких массах пролетариата отсутствовало также и понимание революционной роли крестьянства. Масса рабочих имела в виду только свои чисто потребительские интересы и не могла понять, что без удовлетворения крестьянства — а удовлетворить его можно только разделом земли — немногочисленный пролетариат не сможет сохранить власть в борьбе против внутреннего и внешнего врага. Вместо союза рабочих и крестьян, необходимого в интересах революции, создавалась пропасть между рабочими и крестьянами — непоправимый урон для революции. Непонимание нэпа, которое проявилось в России в начале проведения этого курса экономической политики в небольшой группе членов коммунистической партии, в Венгрии приняло *массовые* масштабы. Вот почему не удалось не только активизировать широкие слои крестьянства в интересах революции, но даже сделать их нейтральными. Без нейтрализации небольшой части крестьянства и без

привлечения их широких масс на сторону революции пролетариат не был в состоянии удержать власть.

Вот второй, наиболее существенный урок венгерской пролетарской революции, урок, который молодое поколение революции должно серьезно усвоить.

V

Третий важный урок венгерской пролетарской диктатуры стал уже, так сказать, общеизвестным. Он заключается в том, что пролетариат может произвести выбор только между двумя видами власти: диктатурой пролетариата или диктатурой буржуазии. В настоящее время излишне подробно разъяснять это тем, кто знает, что такое хозяйничанье Колчака в Сибири, Деникина на юге. Господство Хорти продолжается вот уже пятый год. И это тем более необходимо отметить, что оно свидетельствует о возможности буржуазной диктатуры держаться еще длительное время.

Надо надеяться, что вслед за настоящей небольшой брошюрой вскоре будет написана обстоятельная история венгерской пролетарской революции, по которой российская рабочая молодежь получит возможность гораздо более систематически и полно усвоить уроки революции.

Бела Кун.

Москва, 12 ноября
1923 года.

Печатается по тексту сборника: *Kun Béla. A Magyar Tanácsköztársaságról.* Kossuth könyvkiadó. 1958.

СОВЕТСКАЯ ВЕНГРИЯ — СОЮЗНИЦА СССР

К 5-й годовщине Советской Венгрии

Пять лет тому назад 21 марта улицы Будапешта кишели народом и пролетарские массы с восторгом приветствовали переход власти в Венгрии к Советам рабочих и крестьян. И 22 марта мы получили первое приветствие Ленина: «Искренний привет пролетарскому правительству Венгерской Советской республики и особенно т. Бела Куну. Ваше приветствие я передал съезду Российской коммунистической партии большевиков. Огромный энтузиазм. Решения Московского конгресса III, Коммунистического Интернационала, как и сообщение о военном положении, мы пошлем вам как только возможно скоро. Безусловно необходимо постоянное радиосообщение между Будапештом и Москвой. С коммунистическим приветом и рукопожатием Ленин»¹.

Как оказалось, причиной некоторой сдержанности этого приветствия было подозрение Ленина, что сообщение о возникновении Венгерской Советской Республики является мистификацией социал-демократов. На подозрительное отношение настраивал, между прочим, тот факт, что почти все руководство Коммунистической партии Венгрии находилось в тюрьме. Правда, разговор между Москвой и Будапештом по радио рассеял опасения относительно возможности мистификации, но опасения за судьбу молодой Советской республики, тем

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 202.

не менее, остались. Особенно два обстоятельства внушали известную сдержанность: первое — это объединение коммунистической и социал-демократической партий и образование правительства из представителей обеих партий, а второе — это международное положение советских республик в то время.

Первое обстоятельство мы рассчитывали парализовать быстрым развитием революции и созданием таким образом безвыходного положения для социал-демократов. С 21 марта по 3 апреля, в течение двух недель, Советское венгерское правительство под настойчивым требованием коммунистов издало следующие важные декреты: указ о вербовке и организации Красной Армии, о роспуске полиции, об организации Революционных трибуналов, о национализации промышленных и горных предприятий и путей сообщения, о национализации жилых домов, о начале социализации кредитных предприятий, об установлении трудовой повинности и права на труд, о сокращении квартирной платы и переселении пролетариев в квартиры буржуазии, о создании рабочих университетов и подготовительных курсов, о национализации магазинов, о национализации владений крупных и средних землевладельцев.

Опыт показал, что все эти декреты, создавшие и у Ленина впечатление о быстром переходе венгерской революции на коммунистические рельсы, не были, однако, в состоянии преодолеть последствия союза с социал-демократами.

Тем не менее, тотчас же дало себя почувствовать большое международное значение провозглашения Советской республики. Но тут же был и зародыш ее близкого падения. Международное положение Советской России и влияние, которое оказывала на него венгерская революция, лучше всего охарактеризованы следующими словами газеты французских империалистов «Тан»: «Политика Принцевых островов устарела, ибо в тот момент, когда мы пригласили Ленина на Принцевы острова, мы собирались разговаривать с ним как с побежденным. Но после эвакуации Одессы и после венгерской революции мы должны с ним разговаривать как с победителем».

А газета английской буржуазии «Дейли кроникл» писала в передовице, что положение в Венгрии серьезно, судя по тому влиянию, которое она окажет на Румынию, Польшу и Чехословакию. Во власти Ленина, писала газета, находится теперь Украина, и в Венгрии он получает гораздо более выгодный плацдарм для нападения на эти три государства.

Тов. Чичерин на второй день после возникновения Советской власти в телеграмме на мое имя охарактеризовал положение Советской России и нашу роль в этом вопросе: «Тактика Антанты в настоящее время заключается не в посылке своих собственных войск против нас, а в том, что она толкает на войну других. Германия подчинилась воле Антанты и создала под руководством Гинденбурга новую армию в виде левого фланга против нас; польская армия является центром, а войска украинского Петлюры — правым флангом этой интервенционистской армии. Поэтому наше положение на Западе тяжелое. Ввиду того, что украинские советские войска приближаются в настоящее время к Галиции, где положение уже революционное, мы находимся близко к нашему венгерскому союзнику, стоящему в тылу наших противников. Появление союзника в Средней Европе для нас чрезвычайно ценно».

Эта телеграмма была не очень ободряющей, тем более что мы знали: у Красной Армии сложилось затруднительное положение на Восточном фронте. Однако мы надеялись, что сможем отражать нападения румын и чехов хотя бы до тех пор, пока не установится связь с Россией через Галицию и пока не наступит возможность удалить из правительства тех из социал-демократов, которые оказались совершенно ненадежными союзниками.

Мы полагали, что установление территориальной связи с Советской Россией и быстрое развертывание революции обеспечат существование Венгерской Советской Республики. Но дальнейший ход событий показал, что без сильной единой коммунистической партии, не освободившись от мелкобуржуазных традиций социал-демократии, Советской республике не удастся удержаться.

жаться больше нескольких месяцев и дожидаться соединения Красных Армий, российской и венгерской.

Не имея коммунистической партии, мы, коммунисты, были вынуждены делать одну за другой уступки социал-демократам. Больше всего колебаний возникло у нас по вопросу о земле, по этому наиболее острому вопросу. Землю мы национализировали, но не роздали крестьянам и, следовательно, не удовлетворили пролетарские и полупролетарские массы.

Внешнеполитическое положение было еще хуже. Ни в одной из соседних стран не было коммунистической партии, за исключением Австрии, где имелась слабая коммунистическая партия. Только в одной Югославии рабочий класс оказал некоторое сопротивление планам интервентов при самом возникновении Советской власти. Румынское боярство и чехословацкая буржуазия имели полную возможность организовать вооруженную интервенцию против Венгерской Советской Республики. Австрийская социал-демократия, лидерами которой были председатель правительства Реннер и статс-секретарь по внешней политике Бауэр, напуганная революцией, умоляла Антанту, и особенно Чехословакию, вмешаться. В Германии силы коммунистической партии были связаны, а «независимые» социал-демократы шли не дальше выражения платонических симпатий, которые исчезли, как только Советская республика показала некоторыми своими мероприятиями, что она серьезно берет курс на коммунистическую революцию. В общем Венгерская Советская Республика уже в момент своего возникновения оказалась изолированной, не имея реальной помощи извне.

Как известно, толчок провозглашению Советской республики дала нота Антанты, требовавшая от Венгрии отказа от территорий, на которых жили не угнетенные венгерским феодальным дворянством и буржуазией национальности, а почти коренное мадьярское население. Пацифистское правительство графа Карои, не решавшееся признать право народов на самоопределение, получив ноту, отказалось от власти, не желая брать на себя ответственность за уступку территорий, населенных венграми. Возникновение Советского пра

вительства в таких условиях вызвало у интеллигенции и у части офицерства «национал-большевистские» настроения. Поэтому-то венгерская буржуазия и не оказывала вначале никакого сопротивления пролетарской диктатуре. Внешняя политика Советского правительства вследствие этого была нерешительной. Если правительство хотело парализовать контрреволюционные силы внутри страны, оно должно было считаться с этими «национал-большевистскими» настроениями. Ослаблению правительства способствовало и сознание того, что для продолжения войны у него нет сил и что оно не может рассчитывать на поддержку пролетариата только что освободившихся от национального гнета соседних государств. Поэтому лавирование в области внешней политики превратилось в сплошное шатание без всякого определенного направления.

Вот в такой обстановке пять лет тому назад венгерский пролетариат начал свой тяжелый путь борьбы за власть. Эта борьба богата не только героическими боевыми эпизодами. Она дала ценный опыт международному пролетариату. И самое главное в том, что венгерский пролетариат оказал громадные услуги международной революции и ее крепости — Советской России.

Главнокомандующий военными действиями против Венгрии, монархист генерал Франше д'Эсперэ пишет в своих мемуарах, что он как раз закончил план военных действий против России и начал готовить продвижение войск через Бессарабию, когда в Венгрии вспыхнула пролетарская революция, которая расстроила планы французской военной партии против России.

Не менее ценны уроки, конкретизированные II конгрессом Коминтерна. Эти уроки относятся, прежде всего, к роли коммунистических партий после захвата власти и к оценке социал-демократии. II конгресс Коминтерна учитывал эти уроки, но, к сожалению, они до сих пор еще недостаточно усвоены всеми, в частности, в вопросе о роли социал-демократии, как это показывают события в Германии.

Вот уже больше четырех лет венгерский рабочий класс страдает под гнетом режима Хорти и венгерской социал-демократии. Страдая, истекая кровью, пролета-

риат формирует организованный коммунистический авангард, который должен повести его к новым боям, к новой революции.

Четыре с половиной месяца, в течение которых венгерский пролетариат боролся за власть, не только принесли пользу Коминтерну, но и обогатили революционным опытом венгерский рабочий класс, который в настоящее время еще не в состоянии вести самостоятельные выступления, так как не оправился после поражения. Но волны забастовок, выступления все новых и новых коммунистических групп уже говорят о том, что скоро он сможет стать в боевые ряды международного пролетариата и заклеит лидеров II Интернационала, принимавших столь деятельное участие в свержении Венгерской Советской Республики.

Бела Кун.

Печатается по тексту газеты «Правда» № 65
от 21 марта 1924 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ БЕЛА ИЛЛЕША «ТИСА ГОРИТ»

Дорогой товарищ Иллеш!

Прочел Ваш роман о венгерской революции и узнал многих, многих действующих лиц. Нашел среди них тех, кого и теперь, спустя десять лет, приятно вспомнить, и тех, кто и сейчас, во время чтения вызвал во мне неприятное чувство.

Но больше всего обрадовался я тому, как живо выступает на страницах романа движение масс — стихийное, пламенное, широкое и глубокое движение венгерского пролетариата, десять лет назад сплоченного нашей, тогда еще молодой коммунистической партией в несокрушимую силу и направленного ею на завоевание Советской власти. Читая Вашу книгу, я вновь пережил радость борьбы, муку отчаянной и почти безнадежной схватки, безграничную горечь поражения, эмиграции и еще многое-многое, что безраздельно связано со всем этим. Ощутил я и то, что умудренный опытом венгерский рабочий класс вновь беззаветно сражается за победу грядущей революции.

Я очень рад, что Вы написали этот роман.

До сих пор венгерская пролетарская революция служила в большинстве случаев темой для контрреволюционных писаний. Недавно я перелистал уйму подобных произведений, поносящих нашу революцию почти на всех европейских языках, забрасывающих ее грязью.

Мало, очень мало написали пока венгерские коммунисты о нашей революции. Мы поступали неправильно, отвечая на направленные против нас потоки лжи и

клеветы так же, как говорил в свое время скептически настроенный венгерский поэт Янош Арань:

Коль знатный шут, несясь в опор,
Меня окатит грязью — вздор,
Утрусь — и все... К чему тут спор!

Мы как-то слишком легко примирились с тем, что удел потерпевшей поражение революции — быть вдвойне оклеветанной. Под тяжестью ударов мы смирились на время даже с тем, что значение венгерской пролетарской революции состоит в первую очередь в ее негативных уроках. Такая точка зрения проникла к коммунистам от социал-демократов. Венгерская пролетарская революция примечательна не только своими ошибками. Она сверкает и своими достоинствами, своими блестящими сторонами. Ваш роман вновь привел меня к мысли, что пора покончить с самобичеванием, которому мы предавались десять лет, пора раскрыть для всех и прежде всего для молодежи, которая почти ничего об этом не знает, истинное значение венгерской пролетарской революции.

Венгерская пролетарская революция не только приняла тяжесть ударов, но и оттянула на себя силы международной контрреволюции в тот момент, когда и внешнее и внутреннее положение Российской Советской Республики было самым тяжелым.

Возникновение Советской Венгрии и борьба венгерской Красной Армии помешали французским и румынским войскам осуществить свой план нападения на Советский Союз через Бессарабию. (Надо сказать, что этот план был не только разработан на бумаге, но его начали претворять в жизнь: французскую армию, стоявшую в Салониках, погрузили уже в вагоны, чтобы направить в Румынию.)

Нельзя забывать и о том, что во всей Центральной и Западной Европе только у венгерского пролетариата и молодой Коммунистической партии Венгрии хватило сил и решимости на то, чтобы установить Советскую республику, превращая каждое выступление рабочего класса в борьбу за власть и при первой же возможности захватив ее в свои руки.

Поэтому поучительны не только ошибки венгерской пролетарской революции, которые мы беспощадно критикуем уже десять лет. Поучительно, как выступил пролетариат одной страны зачинщиком в революционной борьбе, не ожидая, пока выступят и другие, не подстрекая их на это:

Твой побольше сапоги —
Тебе и первому идти...

В Венгрии всходят посевы новой революции, всходят на той почве, которую вспахали некогда плуги Советской республики, удобрила кровь бойцов Красной Армии и множества наших мучеников. Вы, венгерские пролетарские писатели, горестней всех ощущаете поражение революции и жизнь в эмиграции. Ведь вам трудно принимать из такой дали волны мыслей и чувств новой зреющей революции. Но вы, пережившие прежнюю героическую эпоху революции, принявшие участие в ее борьбе, вы, рассеянные по всему миру и все-таки заложившие основы венгерской пролетарской литературы, более того, содействовавшие даже созданию основ международной пролетарской литературы, своими произведениями становитесь участниками грядущей венгерской революции.

Ваши книги просачиваются в Венгрию подпольными путями. Я видел экземпляр одного романа, в буквальном смысле слова зачитанного в нашем подпольном движении. Его прочло столько народу, что у страниц не осталось полей, да и буквы уже начали стираться от прикосновения многих рук. Потому-то и стоит вам писать, потому-то и должны вы писать про нашу революцию, ради нашей революции и ради мировой революции. Венгерские пролетарские писатели до сих пор участвовали в идеологическом руководстве нашей революцией — они обязаны и дальше вести эту работу.

Горячо жму руку.

Бела Кун.

Москва, 3 января
1929 года.

Печатается по тексту сборника: *Kun Béla. A Magyar Tanácsköztársaságról. Kossuth könyvkiadó, 1958.*

К 10-й ГОДОВЩИНЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ВЕНГРИИ

I

Нужна была победа Октябрьской революции, чтобы каждый понял значение русской революции 1905 года, чтобы каждый понял, что «без «генеральной репетиции» 1905 года победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна»¹.

Историческое значение пролетарской революции в Венгрии мы сможем оценить по-настоящему только тогда, когда в обстановке нового периода эпохи международной пролетарской революции будем иметь перед собой перспективу новой Советской Социалистической Республики в Венгрии. И тогда будем рассматривать венгерскую революцию 1919 года как венгерскую генеральную репетицию победоносной европейской пролетарской революции. Необходимы были не только непоколебимая вера в революцию, но и глубочайшее проникновение в марксистскую теорию, которыми обладал В. И. Ленин, для того, чтобы увидеть в кровавой атмосфере поражения революции 1905 года факт исторического значения, порожденный творческой силой поверженной революции, увидеть создание Советов как конкретной формы диктатуры пролетариата.

Целый ряд особых признаков особого опыта пролетарской революции в Венгрии ожидает еще новой исторической проверки. Что же касается оценки ее по-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 11.

ложительного международного значения, то даже сейчас, по истечении десяти лет, мы можем привести слова Ленина, произнесенные им спустя два дня после победы пролетарской революции в Венгрии, 23 марта 1919 года, в его речи на VIII съезде РКП(б):

«Если до сих пор Советская власть побеждала только внутри, среди входивших в состав бывшей Российской империи народов, если до сих пор близорукие люди, особенно трудно расстающиеся с рутинной, со старыми привычками мысли (хотя бы они и принадлежали к лагерю социалистов), могли думать, что только особенности России вызвали этот неожиданный поворот к пролетарской советской демократии, что в особенностях этой демократии, быть может, отражаются, как в кривом зеркале, старые особенности царской России,—если такое мнение еще могло держаться, то теперь оно разрушено до основания...

Если про нас говорили, что мы захватчики; если в конце 1917 года и в начале 1918 года не было других слов у буржуазии и у многих ее сторонников по отношению к нашей революции, кроме как «насилие» и «захват»; если до сих пор раздаются голоса, всю бессмысленность которых мы не раз доказывали, будто бы насилием держится большевистская власть; если такую бессмыслицу можно было повторять раньше,—то теперь пример Венгрии заставляет умолкнуть такие речи...

Трудности венгерской революции, товарищи, громадны. Эта маленькая по сравнению с Россией страна гораздо легче может быть задушена империалистами. Но каковы бы ни были трудности, несомненно стоящие еще перед Венгрией, мы имеем здесь, кроме победы Советской власти, нашу *моральную победу*. Самая радикальная, наиболее демократическая, соглашательская буржуазия признала, что в момент величайшего кризиса, когда на истощенную войной страну надвигается новая война, Советская власть является исторической необходимостью, признала, что в такой стране не может быть иной власти, кроме власти Советов, кроме диктатуры пролетариата»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 199, 200.

Коммунистический Интернационал был основан лишь за две недели до победы пролетарской революции в Венгрии, до провозглашения Венгерской Советской Республики. Всемирно-историческое значение этого акта заключалось именно в том, что Коммунистический Интернационал начал в международном масштабе претворять в жизнь лозунг Маркса, являвшийся итогом продолжавшегося в течение ряда столетий развития социализма и рабочего движения, лозунг, нашедший свое выражение в понятии пролетарской диктатуры. Первым шагом на пути выполнения Коммунистическим Интернационалом его всемирно-исторической задачи явилось то, что он повел к победе пролетарскую революцию в Венгрии, что была создана Венгерская Советская Социалистическая Республика. Это первое, что и сейчас можно уже бесспорно установить о международном значении венгерской пролетарской революции, если смотреть на нее, исходя из перспективы всемирно-исторической миссии Коммунистического Интернационала.

II

Стратегические и тактические уроки пролетарской революции в Венгрии, которые извлекли из ее ошибок в первую очередь венгерские коммунисты, отнесшиеся к ним с большевистской самокритичностью, и Коммунистический Интернационал, являются общим достоянием не только венгерского, но и всего международного революционного рабочего движения. Эти ошибки могут объясняться прежде всего тем, что пролетарской революции в Венгрии не предшествовала такая «генеральная репетиция», какой явилась революция 1905 года для Октябрьской революции. Коммунистическая партия Венгрии была основана за четыре месяца до победы пролетарской революции и тотчас начала свою борьбу. Она развернула бурную революционную агитацию среди рабочих масс, не лишенных, правда, революционного духа и воли к осуществлению революции, но выросших в реформистской школе и без всяких революционных традиций. Рабочее движение Венгрии вообще было далеко от марксистской

теории, и даже вопрос о том, какие силы и какие проблемы могут способствовать продвижению трудящихся масс Венгрии во главе с рабочим классом в сторону революции, в рабочей партии не ставился. Венгерская социал-демократия, действовавшая в стране, которая экономически и политически во многом походила на царскую Россию, никогда не выдвигала вопрос о буржуазно-демократическом революционном перевороте, а тем более — вопрос о социалистической революции, о диктатуре пролетариата. Столь же неизвестным был для нее вопрос о гегемонии рабочего класса в революции. Не имея даже представительства в парламенте, она была все-таки партией парламентского кретинизма. Цель, которую социал-демократия ставила перед рабочим классом, сводилась к борьбе за демократические реформы при гегемонии буржуазии.

Вождем в буржуазно-демократической революции 1918 года была не социал-демократическая партия. После больших или меньших колебаний она в лучшем случае на словах одобрила последовавшую после военного крушения революцию, для предотвращения которой сделала не только все возможное, но и невозможное, вплоть до принятия ее лидерами министерских портфелей в составе правительства, призванного ликвидировать революционное движение масс. И единственным классом, который революция застала более или менее организованным и который без всякого руководства, в союзе с солдатскими и крестьянскими массами сумел свергнуть владычество Габсбургов, был рабочий класс. Военный крах почти полностью похоронил венгерскую буржуазию под развалинами и обломками старой Венгрии. Поражение в войне явилось в полном смысле этого слова национальным поражением для всех слоев буржуазии и, естественно, для полуфеодальных слоев крупных землевладельцев. В результате военной катастрофы они утратили не только возможность подавления чужих наций, но — это можно было также предвидеть — значительная часть венгерского населения должна была неминуемо подпасть под иностранный национальный гнет.

В таких условиях социал-демократическая партия превратилась в якорь спасения для венгерской буржуазии

и, более того, даже для представителей остатков феодализма, для слоя крупных земельных собственников, которые еще не вполне достигли капиталистической ступени развития. Большая часть не подготовленного к революции рабочего класса первоначально была склонна примкнуть к ним, продолжая и даже расширяя классовое сотрудничество, характерное для периода военного времени, сотрудничество в форме «революционной демократии». Эта «революционная демократия» защищала не только капиталистическую частную собственность, но — вследствие своей неразвитости — и пережитки полуфеодальных отношений в стране.

Основание вскоре после начала буржуазной революции Коммунистической партии Венгрии обусловило переход руководства революцией в руки тех рабочих, которые не были склонны спасать владычество венгерской буржуазии и полуфеодальных слоев. Благодаря агитации молодой коммунистической партии лозунги «Советская власть» и «вооруженное восстание» распространились с невероятной быстротой и пустили глубокие корни в широких массах трудящихся. В результате буржуазно-демократической революции и военной катастрофы вооруженные силы государства были уже совершенно дезорганизованы, а коммунисты своей агитационной, организационной деятельностью и вооружением рабочих масс завершили этот процесс. Единственной защитой для буржуазии могла стать лишь социал-демократическая партия. Но сама социал-демократическая партия уже отнюдь не была единой. Состоявшие в ее рядах массы и даже часть руководящих кадров (тех, которые после низвержения диктатуры присоединились к коммунистам) колебались и крайне неохотно соглашались поддерживать господство буржуазии. Роковая ошибка, то есть объединение коммунистической и социал-демократической партий может быть объяснена отчасти тем, что Коммунистическая партия Венгрии, при всей своей революционности, была молодой партией, не имевшей революционных традиций. С другой стороны, она может быть объяснена и тем, что социал-демократическая партия в процессе мировой войны недостаточно дифференцировалась и поэтому как среди ее рядовых

членов, так и среди руководящих кадров имелось много революционных элементов, полному революционизированию которых препятствовала, в первую очередь, «идеология единства».

Когда дело подошло вплотную к захвату власти, сама коммунистическая партия в целом, несмотря на опыт, полученный частью ее руководящих кадров в ходе русской революции, не сумела правильно оценить роль партии в революции. Этому способствовало и то, что коммунистическая партия за недолгие четыре месяца своей деятельности смогла только-только поставить один из самых основных вопросов пролетарской революции в Венгрии — вопрос о крестьянстве. О его теоретическом или политическом разрешении не могло быть и речи.

Из этих двух обстоятельств проистекают и две основные ошибки венгерской революции: объединение с социал-демократической партией и доктринерский, меньшевистский подход к вопросу о крестьянстве, подход, который лишил пролетарскую революцию и ее передовой класс, пролетариат, важнейшего резерва в революции — крестьянства. Обе эти ошибки были роковыми.

III

Пролетарская революция в Венгрии, помимо указанных ошибок, обнаруживает еще целый ряд особых черт, без конкретного анализа которых остаются непонятными как победа, так и поражение революции. Уже в то время не только для социал-демократов различных европейских стран, но и для разных педантов в рядах коммунистического движения победа нашей революции являлась загадкой, разрешить которую они были не в состоянии. 24 марта 1919 года Пауль Леви, возглавлявший тогда Коммунистическую партию Германии, в одной из провинциальных коммунистических газет Германии писал о победе пролетарской революции в Венгрии:

«Новая революция в Венгрии, заменившая буржуазную демократию Советским правительством, не является наградой победителю в битве венгерского пролетариата с венгерской буржуазией и венгерским юнкерством. Она

не является результатом борьбы пролетариата с буржуазией, борьбы, в которой последняя была побеждена. Это простое следствие того, что венгерская буржуазия — другое слово здесь неприменимо — насквозь прогнила».

Этому «тонко чувствующему» ренегату, извинявшемуся, перед тем как назвать буржуазию «насквозь прогнившей», не приходило в голову, несмотря на непосредственную близость его к венгерской революции, что необходим анализ особых условий и форм этой революции. Между тем конкретные предпосылки победы революции в Венгрии столь явно отличались от предпосылок победы Октябрьской революции в России, что руководство партий, которые уже по долгу соседства должны были оказать поддержку венгерской революции, обязано было проанализировать это различие.

Действительно, последним актом победы пролетарской революции в Венгрии не было вооруженное восстание. Однако это ни в коем случае не означает, что завоевание государственной власти в Венгрии не было делом рук вооруженного пролетариата. Пролетариат, в первую очередь городской, а отчасти и сельский, имел целый ряд вооруженных схваток с действительно прогнившей и ставшей почти совершенно беззащитной буржуазией. Промышленные рабочие и сельскохозяйственные пролетарии заняли фабрики, заводы, помещичьи имения и вооруженной рукой смели руководителей управленческого аппарата с занимаемых ими постов. В провинциальных городах и сельских местностях были многочисленные вооруженные столкновения с еще действовавшими, хотя и весьма незначительными, вооруженными силами государственной власти. Однако в большинстве случаев уже не было надобности в применении оружия, поскольку буржуазия могла опираться только на социал-демократию. А последняя не в силах была сыграть роль Носке, ибо из-за отсутствия внутренней дифференциации, на которую мы указали выше, она не могла удержать в руках свои собственные рабочие массы.

Различие между условиями победы пролетарской революции в Венгрии и Октябрьской революции в России состоит вовсе не в том, что в одной из этих стран победа явилась результатом вооруженного восстания, а в другой

нет. В обоих случаях, при коренном различии в соотношении классовых сил, победа определялась тем, какой класс держал в своих руках больше оружия. Различие заключалось лишь в том, что в России к началу революции буржуазия еще располагала большим количеством оружия и могла более широко развернуть свое сопротивление, чем в Венгрии. Но общей чертой для обеих революций было то, что внутренняя революционная ситуация счастливо дополнялась международным положением стран, ставших ареной революции. Международное положение в период революций было различным, но в обеих странах оно одинаково способствовало ослаблению сопротивления со стороны буржуазии. Анализ международной и внутренней обстановки этих революций должен раскрыть и проиллюстрировать особые условия победы венгерской революции.

Ленин указывал, что победа Октябрьской революции в значительной мере облегчалась возможностью связать советский переворот с окончанием империалистической войны. Но в то время, как Октябрьская революция стояла лицом к лицу с империалистической войной, пролетарская революция в Венгрии происходила уже в атмосфере тех массовых настроений, которые явились следствием продиктованных империалистами условий мира. Как требование мира в России, так и сопротивление империалистическим условиям мира в Венгрии, несмотря на все свое различие, привлекли на сторону пролетарской революции не только пролетарские, но и самые широкие массы. Политика мира в России временно привлекла на сторону большевиков все крестьянство в целом. В Венгрии сопротивление пролетарской революции со стороны буржуазии, в особенности же националистической мелкой буржуазии, мелкобуржуазной интеллигенции и средних слоев крестьянства, ослаблялось тем, что от большевизма ожидалась организация борьбы против продиктованных империалистами условий мирного договора.

Даже на рабочий класс этот важный международный политический фактор оказывал весьма заметное влияние. Основная масса коммунистической партии состояла, разумеется, не из рабочей аристократии. Тем не менее некоторые прослойки рабочей аристократии встали на

сторону коммунистической партии, когда пресловутая нота французского подполковника Вика бросила на страну свою тень, как бы предсказывая, что страна будет искалечена империалистами. Эти прослойки опасались экономических последствий «территориального искалечения» страны, опасались присоединения промышленных областей Венгрии и особенно источников сырья к другим странам. Коммунистическая партия ни на миг не впадала в «национал-большевистские» настроения. Она всеми силами разоблачала — и вполне успешно — иллюзии вильсонизма и социал-пацифизма II Интернационала и в то же время самым решительным образом выступала не только против империалистического мира, но и против движения, поддерживаемого и социал-демократией и направленного к сохранению «территориальной неприкосновенности» прежней Венгрии и к поддержанию режима угнетения венгерской национальностью других народностей. Коммунистическая партия подчеркивала в своей агитации, что она против всякой войны, направленной к ущемлению права народов на самоопределение, и прилагала все усилия для дезорганизации войск, брошенных социал-демократическим военным министром для защиты демаркационной линии против чехословацкой и румынской оккупационных армий.

Новая ориентация оказавшейся у власти части венгерской буржуазии — ее ориентация на Антанту — и внезапно возникший социал-пацифизм социал-демократии потерпели поражение перед продиктованными империалистами условиями мира. Это обстоятельство временно привело на сторону пролетарской революции все колеблющиеся слои. Так «патриотизм», мелкобуржуазная «верность отечеству» — один из величайших врагов пролетарской революции, — был сброшен с дороги пролетарской революции в Венгрии, ибо часть мелкой буржуазии, как и часть рабочей аристократии, увидела в Российской Советской Республике единственную надежду на организацию сопротивления против империалистического мира. Интересно показать, как Ленин, в противоположность социал-демократическим лидерам, которые задним числом бросали коммунистической партии упрек в «национал-большевизме» (в действительности эти социал-

демократы сами то и дело впадали в «национал-большевизм»), и в противоположность педантизму Пауля Леви, расценивал эти особые предпосылки победы пролетарской революции в Венгрии. 3 апреля 1919 года Ленин в своей речи на чрезвычайном заседании пленума Московского Совета сказал:

«А Венгрия показала пример революции, которая рождается совершенно иначе. Венгрии, несомненно, придется пережить тяжелую борьбу с буржуазией — это неизбежно. Но факт тот, что, когда эти звери, английские и французские империалисты, предвидели в Венгрии революцию, они хотели ее уничтожить, не дать ей родиться. У нас затруднительность положения была в том, что нам приходилось рожать Советскую власть против патриотизма. Пришлось ломать патриотизм, заключать Брестский мир. Это была самая отчаянная и бешеная кровавая ломка»¹.

Было бы бессмысленным педантизмом, доктринерством, предательством по отношению к революции, если бы Коммунистическая партия Венгрии отказалась от взятия власти в тот момент, когда «ориентация на Восток» и патриотизм значительной части мелкобуржуазных масс, особенно буржуазной интеллигенции, ослабляли сопротивление против пролетарской революции, питавшейся своими внутренними силами, и когда лидеры социал-демократической партии, идя на поводу у настроений этой мелкой буржуазии, предлагали совместно взять власть. Не чем иным, как клеветой, было утверждение австрийских и венгерских последователей австро-марксизма, будто пролетарская революция в Венгрии являлась не пролетарской революцией, а «национал-большевистским» мелкобуржуазным восстанием против империализма Антанты. Но нельзя отрицать и того, что пролетарская революция в Венгрии в международно-политическом и стратегическом отношении была поставлена перед тяжелыми, трудно преодолимыми задачами, сразу же после победы столкнувшись лицом к лицу с продиктованными империалистами условиями мира и оказавшись вынужденной начать против них вооруженную борьбу.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 244.

В противоположность России, пролетарская революция в Венгрии победила в то время, когда одна из противостоявших друг другу империалистических группировок Антанты и стран Средней Европы уже была брошена на обе лопатки. Говоря о предпосылках победы русской революции, Ленин утверждает, что революция в России продержалась потому, что можно было всемерно использовать борьбу, которая велась между двумя империалистическими разбойничьими группировками, и что эти группировки не были в состоянии объединиться для борьбы против Советской власти. Пролетарская революция в Венгрии после поражения германо-австро-венгерского империализма оказалась в ином положении.

Ленин предвидел опасность, проистекающую из самого факта окончания империалистической войны, и сразу после военного крушения Германии и Австро-Венгрии сосредоточил свое внимание как раз на этой опасности, порожденной для пролетарской революции победой империализма Антанты и окончанием мировой войны. Сложившаяся ситуация сказалась на судьбах пролетарской революции Венгрии в трех направлениях.

Обессилевшие за войну массы рабочего класса были не в состоянии нести тяготы новой войны, в то время как некоторые слои мелкой буржуазии, стимулируемые именно своим «патриотизмом», не только желали войны, но и стремились взять в свои руки руководство революционной войной, чтобы превратить ее в войну национальную. Измученные рабочие соседних стран, особенно Германии и Австрии, боялись перспективы новой войны и вместо поддержки пролетарской революции в Венгрии слепо подчинились своим социал-демократическим лидерам — отто бауэрам, шейдеманам, — которые попросту использовали распространившуюся на Запад «большевистскую опасность» — пролетарскую революцию в Венгрии и продвигавшуюся в западном направлении Красную Армию — для вымогательства у стран Антанты.

Рабочие новых «стран-победительниц» (особенно Чехословакии и Румынии) были охвачены восторгом национального освобождения и, оказавшись под руководством предательской социал-демократии, доходили до крайних пределов в поддержке своей отечественной бур-

жуазии. Антанте удалось двинуть против революции в Венгрии вооруженные силы, которые состояли частью из отрядов старой австро-венгерской армии, а частью из армии новой Чехословацкой республики и Румынии, ранее воевавших на стороне среднеевропейских стран против Антанты. При таких обстоятельствах пролетарская революция в Венгрии с точки зрения международной революционной стратегии могла выполнить лишь одну из своих задач: воспрепятствовать использованию против Советской России освободившейся в связи с окончанием войны армии Антанты (балканская армия генерала Франше д'Эсперэ). Вторую задачу, задачу укрепления выдвинутых на запад позиций пролетарской революции, она не смогла выполнить уже потому, что вследствие внутреннего, а также международного положения Венгерской Советской Республики как ее внешняя политика, так и руководство военными операциями были неустойчивы.

Самое коренное различие между условиями русской и венгерской революций заключалось в их разном военно-стратегическом положении. Ленин констатировал, что одна из предпосылок успеха пролетарской революции в России состояла в том, что вследствие гигантского пространства страны и скверных путей сообщения имелась возможность ведения затяжной гражданской войны. В корне иным было положение Венгрии. Уже Энгельс в связи с венгерской революцией 1848—1849 годов указывал на те трудности, которые стояли перед венгерской революцией из-за незначительности ее территории. А ведь тогда неразвитость средств сообщения способствовала венгерской революционной армии, оперативная база которой была по крайней мере в два с половиной раза больше соответствующей оперативной базы венгерской Красной Армии в 1919 году. Теперь же незначительность территории создавала непреодолимые стратегические трудности для пролетарской революции.

Если в 1848—1849 годах, после сдачи Будапешта, Кошут имел возможность не только продолжать, но и вновь организовать войну, ныне на значительно сократившейся территории Венгрии потеря столицы была равносильна крушению революции как в политическом

(здесь было сконцентрировано большинство рабочего класса), так и в военных отношениях (Будапешт являлся центром военной промышленности). Уже в начале революции фронт с севера проходил на расстоянии двух-трех военных переходов от Будапешта, а на востоке Красная Армия Венгерской Советской Республики при первом же наступлении румын была вынуждена отступить от столицы на такое же расстояние. Положение осложнялось тем, что, в противоположность России, война против Советской Венгрии с самого начала велась с помощью регулярных армий. Поэтому, прежде чем революция смогла окончательно ликвидировать офицерскую касту, потребовалось немедленное широкое привлечение в Красную Армию военных специалистов.

Наконец, четвертое и решающее различие сводилось к различию между положением русского и венгерского крестьянства. Ошибки, допущенные коммунистической партией в крестьянском вопросе, как субъективный фактор, усугублялись еще и тем различием, которое существовало в объективном историческом положении венгерских и русских крестьян. Ленин видел одну из предпосылок победы пролетарской революции в России в том, что крестьянство было глубоко затронуто буржуазно-демократическим движением и что партия пролетариата имела возможность поднять на щит революционные требования крестьянства, минуя эсеров, которые в большинстве своем были враждебны большевикам, и немедленно после овладения пролетариатом властью претворить эти требования в жизнь. Бесспорно — и это надо еще и еще раз подчеркнуть, — Советская власть в Венгрии допустила роковую ошибку, «поставив крестьянство перед выбором» в вопросе о том, надо ему провести раздел помещичьей земли или же лучше сохранить крупные сельскохозяйственные предприятия. Одним из источников этой роковой ошибки было стремление обеспечить снабжение городов продовольствием. Другим источником было желание перевести непосредственно на социалистические рельсы как капиталистическое, так и полуфеодалное крупное землевладение в соответствии с направленной к «немедленному социализму» экономической политикой диктатуры.

С другой стороны, и само объективное положение как раз вследствие дифференциации венгерского крестьянства было иным, чем в России. Вследствие этой дифференциации уже во время буржуазно-демократической революции не все крестьянство в целом встало на сторону революции. Уже на этом этапе революции остро проявилась в земельном вопросе классовая борьба между богатым крестьянством и верхними слоями среднего крестьянства, с одной стороны, и сельскохозяйственным пролетариатом (батраки, поденщики) — с другой. Сельскохозяйственные наемные рабочие не хотели допустить, чтобы крупные поместья, где они зарабатывали себе на хлеб, попали в результате раздела помещичьей земли в руки крестьянства. Отсюда коммунисты сделали неправильный вывод: они не дали земли сельскохозяйственным рабочим, сохранив крупные поместья в качестве «производственных товариществ». На самом деле они представляли собой непомерно централизованные советские хозяйства. В результате этого бывший помещичий батрак, несмотря на улучшение жизненных условий, не чувствовал по-настоящему перемену, произведенную революцией, и после революции рассматривал себя «государственным батраком».

Историческое прошлое венгерского крестьянства было иным, чем русского крестьянства. Во время революции у венгерского крестьянства не было даже своей партии, какой была, по характеристике Ленина, партия эсеров. Не имея руководства ни со стороны коммунистической, ни даже какой-либо другой партии, венгерское крестьянство не было охвачено столь широким революционным движением за землю, как крестьянство России в начале 900-х годов или в 1917 году. Эти обстоятельства также поставили пролетарскую революцию в Венгрии после победы в более тяжелые условия, чем в России, и притом не только вследствие допущенных субъективных ошибок, но и вследствие объективно сложившейся обстановки.

Все указанные различия поставили пролетарскую революцию в Венгрии при первых же ее победоносных шагах перед колоссальными объективными трудностями. Эти объективные трудности не были непреодолимы. Взгляд, будто пролетарская революция в Венгрии во-

обще была заранее обречена на гибель, как это утверждают венгерские социал-демократы и равным образом утверждали тогдашние «вожди» некоторых коммунистических партий (Леви и Рут Фишер в Германии, Штрассер в Австрии), является следствием их пораженческого подхода к вопросу о пролетарской революции на Западе вообще. В международной ситуации того времени, когда в Венгрии победила пролетарская революция, ни в одной стране в результате окончания империалистической войны Советская власть не могла иметь столь благоприятных условий, как пролетарская революция в России непосредственно после ее возникновения. Но это означало лишь то, что Венгерская Советская Республика гораздо больше нуждалась в немедленной и непосредственной поддержке со стороны международного пролетариата, что она в гораздо меньшей степени, чем Российская Советская Республика, могла утвердиться и продержаться без такой немедленной и непосредственной поддержки.

IV

Внутреннее положение международного рабочего движения совершенно не благоприятствовало судьбе пролетарской революции в Венгрии. Еще менее благоприятно складывалось для нее военное положение Российской Советской Республики.

18 марта 1919 года оперативная сводка Красной Армии Советской России сообщила о том, что передовые отряды Красной Армии заняли Тарнополь. (Это оказало решающее влияние как на настроение социал-демократов, так и других слоев мелкой буржуазии, придерживавшихся «восточной ориентации»). Но уже 10 апреля 1919 года Ленин в своем письме петроградским рабочим писал:

«Положение на Восточном фронте крайне ухудшилось. Сегодня взят Колчаком Воткинский завод, гибнет Бугульма; видимо, Колчак еще продвинется вперед.

Опасность грозная...

Мы просим питерских рабочих *поставить на ноги все, мобилизовать все силы на помощь Восточному фронту.*

Там солдаты-рабочие подкормятся сами и продовольственными посылками помогут своим семьям. А главное,— там решается судьба революции.

Победив там, *мы кончаем войну*, ибо *из-за границы помощи белым больше не будет*. На юге мы близки к победе. Брать силы с юга нельзя, пока не победим там полностью»¹.

Все это уже ухудшало военное положение Венгерской Советской Республики, тем более, что судьбу революции в Венгрии мы строили отчасти в расчете на Красную Армию Российской Советской Республики, в расчете на то, что обе армии соединятся. Но на этом строились и надежды мелкой буржуазии и ее нейтралитет, а первоначально даже благожелательный нейтралитет по отношению к пролетарской революции. Это сыграло решающую роль также и при объединении с социал-демократической партией, ибо мы рассчитывали после соединения с Красной Армией Российской Советской Республики выбросить из Советского правительства Венгрии и из руководства объединенной партии наиболее колеблющиеся социал-демократические элементы. Это же обстоятельство породило и первые колебания среди рабочих масс. И их колебания еще более усилились с того момента, когда после крушения Баварской Советской Республики и вследствие поражений российских красных войск на юго-востоке (измена Григорьева), а также продвижения вперед войск Петлюры и Деникина надежды на международную помощь с Востока и с Запада исчезли. За пределами маленькой Советской страны, окруженной империалистическими войсками (с севера — чехословацкими, с востока — румынскими, с юга — югославскими и французскими, с запада — австрийскими), в тылу вражеских войск, лишь небольшие коммунистические группы проводили работу, направленную к поддержке Венгерской Советской Республики, работу, едва выходящую за рамки пропагандистской деятельности. Объединение с социал-демократической партией, ошибки, допущенные в крестьянском вопросе, и блокада все

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 250.

больше и больше подготавливали и внутри страны почву для «демократической» контрреволюции.

Ошибки во внутренней политике стесняли дыхание пролетарской революции, уменьшали ее способность к сопротивлению. В результате этого она оказалась не в состоянии продержаться до горячо желанной помощи со стороны международного пролетариата.

Таким образом, пролетарская революция в Венгрии после четырех с половиной месяцев борьбы осталась «генеральной репетицией» новой пролетарской революции, пролетарской революции в Европе. Но и в своем падении она явилась «маяком для пролетариата Средней Европы», как охарактеризовали ее на II конгрессе Коммунистического Интернационала.

Что бы ни говорило «революционное» пораженчество, что бы там ни заявляли социал-демократы и ренегаты коммунизма, пролетариат не даром пролил свою кровь в этой революции. И уже вновь пробиваются ростки на дереве, срубленном белым террором: «*Laetius ex truncis florebit*» («Из ствола пышно расцветут ветви») — так написали венгерские якобинцы на стенах своей темницы.

Бела Кун.

1929 год.

Печатается по тексту сборника: *Kun Béla. A Magyar Tanácsköztársaságról. Kossuth könyvkiadó. 1958.*

ПОЧЕМУ ПОБЕДИЛА В ВЕНГРИИ ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

*К 15-летию Советской Социалистической Республики
в Венгрии*

15 лет назад, 21 марта 1919 года, в Венгрии при своеобразных обстоятельствах победила пролетарская революция. Своеобразие установления Венгерской Советской Социалистической Республики состояло в том, что переход государственной власти в руки пролетариата произошел не путем вооруженного восстания. На своеобразные формы взятия власти в Венгрии не раз указывал Ленин в своих произведениях и речах. Уже 23 марта 1919 года на VIII съезде РКП(б) Ленин подчеркнул эти особенности. Он говорил:

«Мы уверены, что *это будет последнее тяжелое полугодие*. Нас особенно укрепляет в этой уверенности то известие, которое на днях мы сообщили съезду,— известие о победе пролетарской революции в Венгрии... Буржуазное правительство, видя, что союзные державы хотят провести свои войска через Венгрию, видя, что на Венгрию падает опять неслыханная тяжесть новой войны,— буржуазно-соглашательское правительство само подало в отставку, само вошло в переговоры с коммунистами, венгерскими товарищами, находившимися в тюрьмах, и само признало, что нет иного выхода, кроме как передача власти трудящемуся народу»¹.

Ленину была абсолютно чужда точка зрения, на которую встали Пауль Леви, возглавлявший тогда Коммуни-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 199.

стическую партию Германии, и многие другие, считавшие, что венгерский пролетариат не должен был использовать крах господства буржуазии для взятия власти в свои руки. Напротив, Ленин неоднократно высказывался о том, что победа пролетариата в Венгрии, принявшая такие специфические формы, означает не только победу Советской власти вообще, но и нашу «моральную победу».

К этой мысли Ленин возвращается и в своей речи 3 апреля 1919 года. Он говорит, что особые условия возникновения пролетарской диктатуры в Венгрии лишь подтверждают, «что есть только одна власть в мире, которая способна руководить народами в тяжелую минуту,— это власть Советов. Вот почему венгерская революция тем, что она совершенно иначе родилась, чем наша, покажет всему миру то, что по отношению к России было скрыто: именно, что большевизм связан с новой пролетарской, рабочей демократией, которая выступает на место старого парламента»¹.

Своеобразие и особенности начала венгерской пролетарской революции породили после ее разгрома в 1919 году у многих, даже у коммунистов, мнение, будто 21 марта власть сама, как спелый плод, упала в руки коммунистической партии, в руки пролетариата. Этот взгляд с чрезвычайным усердием распространялся II Интернационалом, особенно австрийской и германской социал-демократией. Эти социал-демократические партии пытались убедить рабочий класс, будто победа венгерской пролетарской революции, установление Венгерской Советской Социалистической Республики были не чем иным, как простой «случайностью», маневром венгерской буржуазии в противовес империализму Антанты и большой исторической ошибкой венгерской социал-демократии. Подобный взгляд мы встречаем подчас и в коммунистических кругах. Вместо того чтобы вскрыть ошибки Коммунистической партии Венгрии в пролетарской революции во время и после взятия власти, эти товарищи изображают саму пролетарскую революцию в Венгрии одной сплошной ошибкой. Такая

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 245.

постановка вопроса исключительно выгодна, чтобы оклеветать героическую революционную борьбу, которую Коммунистическая партия Венгрии вела накануне 21 марта 1919 года за Советскую власть против венгерской буржуазии, против венгерской социал-демократии и против мирового империализма.

Коммунистическая партия Венгрии и вопрос власти

Совершенно естественно, что, когда в Венгрии была провозглашена Советская Социалистическая Республика, для всех на первый план выплыли особые международные предпосылки венгерской революции, а также объединение коммунистической и социал-демократической партий. Они и явились наиболее своеобразными особенностями установления Советской власти в Венгрии.

Когда империалистические державы Антанты через подполковника Вика, главу французской военной миссии, вручили известный ультиматум буржуазно-демократическому правительству с требованием отказа от большей части территории Венгрии, они фактически приперли венгерскую буржуазию к стене, заставив ее отказаться от власти над более чем 10-миллионным населением Венгрии, от крупнейших рынков сбыта и главных источников сырья для венгерской промышленности, то есть от подавляющей доли своей политической и экономической власти. Этот ультиматум, за которым стояла балканская армия Антанты (200—220 тысяч солдат под командованием генерала Франше д'Эсперэ, со штаб-квартирой в Белграде), военные силы Чехословакии, Югославии, Румынии, был фактически требованием к венгерской буржуазии отказаться от власти вообще.

Но господству венгерской буржуазии угрожала не только внешняя опасность — ультиматум Антанты. Против власти буржуазии, расшатанной военным крахом, не имевшей сколько-нибудь прочной вооруженной опоры, в значительной степени утратившей свою массовую базу, внутри страны боролись широкие пролетарские массы

в союзе с еще более широкими массами крестьян под руководством молодой Коммунистической партии Венгрии.

Коммунистическая партия Венгрии, созданная нами примерно за четыре месяца до взятия власти, 20 ноября 1918 года, с первого же дня своей деятельности так ясно и остро поставила вопрос о Советской власти и вооруженном восстании против буржуазного государства, как ни одна коммунистическая партия, кроме РКП(б). В повседневной агитации Коммунистическая партия Венгрии выдвигала лозунги разоружения буржуазии и подготовки вооруженного восстания.

Партия не только провозглашала, но и повседневно организовывала вооружение пролетариата. Центральный Комитет Коммунистической партии Венгрии, расположенный на Вышеградской улице, был не только штабом широко развернувшейся массовой работы по вооружению пролетариата, но и сам напоминал подчас вооруженный лагерь. У буржуазии не было ни одного военного формирования, ни одной вооруженной организации, будь то армия, народная гвардия и т. д., где бы коммунистическая партия не имела своих организаций, а во многих случаях и решающего влияния. Партийное руководство и партийные организации использовали все возможности для приобретения оружия. Демобилизованным солдатам был дан лозунг не сдавать свое оружие в казармы. Из вооружения армии Макензена, возвращавшейся с Балкан в Германию через Венгрию, коммунистическая партия экспроприировала не менее 35 тысяч винтовок. (Это оружие мы сдали Военному комиссариату только тогда, когда началась империалистическая интервенция против Советской Венгрии.)

Коммунистическая партия проводила не просто анти-милитаристскую кампанию в казармах и вооруженных формированиях буржуазно-демократического правительства. В противовес пацифистской агитации социал-демократов и радикалов, один из носителей которой, военный министр правительства Карои, провозгласил лозунг «Не хочу больше видеть солдат!», Коммунистическая партия Венгрии выдвинула солдатам лозунг «Сохранить оружие и использовать его для борьбы за власть проле-

тариата!» Целью агитационной и организаторской работы коммунистической партии было привлечение солдат на сторону революции, завоевание для дела революции всех военных формирований государства, исключая полицию. Начиная с военного министерства и кончая воинскими частями, охранявшими демаркационную линию,— коммунистическая партия всюду имела свои агитационные пункты, всюду держала связь с солдатами. Во многих случаях эти связи не приняли четкой организационной формы, но тем не менее свидетельствовали о том, что коммунистическая партия не только агитацией влияла на военные силы, но и руководила значительными солдатскими массами во многих, часто в решающих пунктах.

Коммунистическая партия, не колеблясь, решительно отвергала все предложения, от кого бы они ни исходили, осуществить вместо немедленного установления Советской власти какую-нибудь переходную форму правления. С момента основания коммунистической партии лидеры буржуазно-демократической революции со всех сторон осаждали ее своими предложениями, стремясь путем компромисса достичь временного решения, «модус вивенди» в борьбе с внешним врагом. На предложение президента республики Михая Карои, сделанное через его посредников, о возможности передачи коммунистам военного министерства во временном демократическо-республиканском правительстве коммунисты ответили резким отказом. Когда два виднейших представителя социал-демократической партии— Жигмонд Кунфи и Якаб Вельтнер предложили нам прекратить «дезорганизирующую» работу по крайней мере в войсках, расположенных вдоль демаркационной линии, напротив румынских и чехословацких империалистов, мы ответили, что можем вести с ними переговоры только по одному единственному вопросу, а именно о таком преобразовании рабочих советов, при котором последние перестали бы быть органами расширенного представительства социал-демократической партии и реформистских профсоюзов, а выбирались на самих предприятиях. В таких советах мы смогли бы вести борьбу за большинство рабочего класса, не подчиняясь, однако, в вопросе о власти решениям

даже рабочих советов. Представители коммунистической партии в рабочих советах, возглавляемые тов. Бела Ваго, по указанию Центрального Комитета категорически отклоняли также и все попытки образования так называемого «рабочего правительства» и «чисто социал-демократического правительства». Эти попытки предпринимались «левыми» социал-демократами, которые рассчитывали использовать тягу рабочего класса к Советской власти в своих интересах. И этим попыткам мы противопоставили наши предложения, требовавшие незамедлительного установления Советской власти.

Коммунистическая партия, борясь за Советскую власть, не позволила стеснить себя какими бы то ни было преградами буржуазной законности, как новой, так и старой. Коммунистическая партия не свернула свою борьбу за власть и тогда, когда Антанта с согласия буржуазно-демократического правительства и его социал-демократических членов перебросила воинские части спаги из балканской армии в Будапешт. Напротив, она тотчас же развернула небезуспешную агитацию в этих частях.

Со дня основания коммунистической партии и до взятия власти проходили, все учащаясь, вооруженные столкновения с органами буржуазной власти. Начиная с 12 декабря 1918 года, когда будапештский гарнизон с оружием в руках вышел на улицу, демонстрируя против военного министра временного правительства (в этом выступлении участвовали и левые социал-демократические руководители Совета солдатских депутатов), не было, пожалуй, ни одного дня, когда бы печать не оповещала о кровавых столкновениях революционных рабочих и солдат с вооруженными отрядами правительственных сил, особенно с полицией. Не только в Будапеште, но и в провинции коммунисты организовывали многочисленные восстания. 25 декабря 1918 года революционно настроенные гусары в Кечкемете заняли казармы и разоружили офицеров. 26 декабря в Будапеште произошли кровавые столкновения между рабочими и вооруженными силами правительства. Имелись убитые и раненые. 31 декабря в двух крупнейших казармах Будапешта вновь произошли кровавые стычки между частями, находившимися

под влиянием коммунистов, и частями, верными правительству. Эти столкновения сопровождались вооруженными демонстрациями солдат против социал-демократов. В январе 1919 года в Будапеште под руководством коммунистов начались массовые демонстрации против буржуазной печати, разгром редакций и издательств буржуазных газет. Одновременно на крупнейших фабриках и заводах Будапешта и в провинции началось насильственное удаление директоров с предприятий, а во многих случаях и захват предприятий. В центре Северного угольного бассейна, в Шалготарьяне, во время вооруженного восстания было убито 16 человек и почти 100 ранено. Вскоре после этого в Сарваше, одном из аграрных центров провинции, произошли уличные бои между силами правительства и сельскохозяйственными рабочими, в результате которых 10 человек было убито и больше 40 ранено.

Во второй половине января 1919 года продолжались и учащались вооруженные столкновения в Будапеште и провинции. В казармах начинают оказывать вооруженное сопротивление приказу военного министра, которым предписывалось разоружение находящихся под коммунистическим влиянием солдат, преимущественно молодых. После кровавых боев солдаты-коммунисты сумели отстоять свое оружие.

Одна за другой следуют вооруженные демонстрации демобилизованных солдат, инвалидов, унтер-офицеров. Коммунистическая партия с удвоенной энергией подготавливает организацию вооруженных сил против буржуазно-демократического правительства и против начавшейся монархической контрреволюции крупных помещиков.

Наряду с лозунгом захвата фабрик коммунистическая партия бросает в массы лозунг захвата жилых домов. В феврале начинается захват крупных поместий сельскохозяйственными рабочими, часто под руководством коммунистических организаций промышленных центров провинции.

21 февраля вооруженные массы демонстрируют перед зданием Центрального Комитета и Центрального органа социал-демократической партии. В боях 7 человек убито,

около 100 ранено (большей частью полицейские и национальные гвардейцы). В марте в целом ряде мест начинается разоружение полиции и верных правительству воинских частей. Правительство оказывается бессильным против организаций демобилизованных солдат, охвативших вскоре сотни тысяч человек, и против организаций безработных. Примерно к тому же времени, к началу марта, приходит конец власти предпринимателей на фабриках и заводах. На крупнейших из них начинают распоряжаться фабрично-заводские комитеты, избранные и действовавшие не на «законном» основании, а на основе революционного права.

В то самое время, когда в так называемой ноте Вика Антанта потребовала от венгерского правительства отказа от власти над большей частью территории Венгрии, социал-демократ Вильмош Бём в своем дневнике так характеризовал настроение рабочих 18—20 марта:

«18 марта. От имени (но без ведома) рабочих Чепельского завода¹ были созваны фабричные уполномоченные, постановившие 28 марта с оружием в руках освободить заключенных коммунистов. Корпус уполномоченных коммунистических солдат присоединяется к решению.

19 марта. Безработные устраивают в будапештских казармах собрание. Оттуда несколько тысяч идут в Вар. К социал-демократическому министру Дьюле Пейдлю направляется делегация и требует выплаты 500 крон в качестве немедленного единовременного пособия безработным и особых продуктовых карточек, по которым безработные должны получать за счет государства 50% скидки. Они потребовали покрытия государством задолженности по квартплате и немедленной социализации земли и средств производства. Делегацию возглавляли коммунисты. На протяжении нескольких часов они стояли перед министерством социального обеспечения, заявляя, что не уйдут до тех пор, пока не будут удовлетворены их требования.

Массы разошлись лишь после того, как Пейдль обещал представить требования безработных на рассмотре-

¹ Самый крупный в то время завод в Венгрии, насчитывавший 40 тысяч рабочих.

ние Совета Министров. Он пригласил делегацию явиться вечером в здание Президиума Совета Министров для получения ответа.

20 марта. В Будапеште наиболее дисциплинированная до сих пор (с социалистической точки зрения) и самая надежная категория рабочих — печатники — по вопросу о ставках объявила против воли своих руководителей всеобщую стачку. Старое, в течение десятков лет удовлетворявшее рабочих руководство, снято. Они избрали новое руководство стачкой, в котором коммунистам принадлежит решающая роль. Часть бастующих хочет насильственным путем помешать выходу социал-демократической газеты, безоговорочно выполнявшей все требования рабочих. По городу, охваченному волнением, из-за отсутствия газет разносятся самые фантастические слухи, доводящие возбуждение до безумия.

Вручена нота подполковника Викаса».

Из этих кратких записей видно, что Коммунистическая партия Венгрии не только без всяких колебаний держала решительный, твердый, прямой курс на вооруженное восстание, на вооруженное подавление и уничтожение власти буржуазии, на пролетарскую диктатуру, но и осуществляла этот курс на деле в повседневной своей работе, в борьбе за власть. Коммунистическая партия не только держала свое оружие на складе, но и применяла его повседневно в классовой борьбе за власть!

Бедущая роль партии даже после ареста большинства ее руководителей 21 февраля 1919 года не прерывалась ни на минуту. В течение нескольких дней работу вели остававшиеся на свободе члены Центрального Комитета. Но вскоре из тюрьмы мы наладили руководство рабочими и беднейшими крестьянами. Это руководство было настолько успешно, что, несмотря на погром, устроенный социал-демократией еще 21 февраля при участии 200 тысяч настроенных против коммунистов демократов, влияние коммунистической партии на массы росло с каждым днем.

Конечно, это влияние на массы было далеко не достаточно организационно оформлено. За четыре месяца, прошедшие между основанием коммунистической партии

и установлением Советской власти, нельзя было полностью организационно закрепить такое гигантское, бурно растущее влияние на массы, даже если бы мы располагали численно большими и более развитыми большевистскими кадрами, чем те, которые мы имели. Но благодаря правильной политической и организационной линии партии удалось даже за такой короткий срок распространить свое политическое влияние на широчайшие массы, по крайней мере в Будапеште и в промышленных центрах провинции. Этим мы были обязаны прежде всего Коммунистической партии Венгрии, которая с момента основания ясно понимала, что она сможет добиться влияния в рабочем классе лишь в том случае, если развернет свою агитационную и организационную работу в первую очередь на крупных предприятиях и в профсоюзах. И действительно, фабрично-заводская и профсоюзная деятельность коммунистической партии выразилась не только в резолюциях, но и в практических мероприятиях.

Территориальные организации в Коммунистической партии Венгрии играли самую ничтожную роль. Центр тяжести агитационной и организационной работы был перенесен в фабрично-заводские организации (тогда мы еще не называли их ячейками). Не проходило дня, не было ни одного сколько-нибудь значительного события, когда бы вся гвардия агитаторов коммунистической партии не воспользовалась случаем и не явилась на важнейшие фабрики и заводы, чтобы призвать рабочих к борьбе. Так называемые «летучие агитационные отряды» проникали даже на те предприятия, где у нас не было никаких связей. Они появлялись у фабричных ворот и по окончании работы устраивали «летучие митинги». За четыре месяца революционной борьбы, истекшие со дня основания партии до установления пролетарской диктатуры, не было ни одного массового выступления рабочего класса, требования которого не были бы сформулированы коммунистами, которое не возглавили бы коммунистические группы. Партия придавала огромное значение частичным требованиям и сумела связать бои за частичные требования с лозунгом борьбы за власть.

С момента основания коммунистическая партия стремилась прочно закрепить свое влияние в профсоюзах. Ни профбюрократии, ни властям не удалось изгнать ее из профсоюзов. Только невероятным упорством партия сумела помешать профбюрократии расколоть профсоюзы путем исключения из них коммунистов и революционных рабочих. Большинство партийного руководства беспощадно боролось против предложений меньшинства, которое, ссылаясь на пример спартаковцев, хотело бойкотировать профсоюзы.

В то время как за вооруженными рабочими и солдатами стояли широкие массы рабочих и бедных крестьян, венгерская буржуазия, массовой опорой которой оставалась, по существу, одна только социал-демократия, очутилась между двух огней: под перекрестным огнем ультиматума Антанты, с одной стороны, и борющегося за власть рабочего класса — с другой.

Соотношение классовых сил в Венгрии к началу пролетарской революции

Накануне пролетарской революции началась подготовка возглавленной крупными помещиками и буржуазией контрреволюции. Она готовилась главным образом под антикоммунистическими лозунгами, но отчасти уже была направлена и против социал-демократии. Крупные помещики и крупная буржуазия в результате военного краха потерпели политическое, экономическое и организационное банкротство. Они утратили большую часть социальной связи с теми мелкобуржуазными и крестьянскими слоями, которые раньше составляли их массовую базу.

Как только началась буржуазно-демократическая революция, в партии, официально руководившей буржуазной революцией, в партии Карои, объединились почти все группировки господствовавших классов старой Венгрии. Эти группировки не имели сколько-нибудь определенной ориентации и опоры в массах. Угроза Советской власти, как и колебания правительства Карои и бессилие Национального совета, этого символа власти, вскоре вызвали

дифференциацию в партии Карои. Одна группа старых политических деятелей — граф Иштван Бетлен, граф Тивадар Батьяни и Мартон Ловаси — попыталась создать сборный пункт с целью консолидации контрреволюционных сил крупных помещиков и крупной буржуазии. Они хотели как можно скорее привести страну к созыву Учредительного собрания и тем самым преградить путь дальнейшему развитию революции. Часть офицества во главе с нынешним премьер-министром Венгрии Дьюлой Гёмбёшем примкнула к этой группе. Они стремились «монополизировать» распространявшийся всеми буржуазными партиями и социал-демократами лозунг о «территориальной неприкосновенности Великой Венгрии». Высшее духовенство, ведущая сила клерикальной контрреволюции, тоже поспешило им на помощь. Контрреволюционные крупные помещики и крупная буржуазия приступили к созданию массовых организаций. Они попытались основать свою собственную организацию «Пробуждающиеся венгры», которая позднее, после свержения пролетарской диктатуры, сыграла большую роль. Она состояла преимущественно из бежавшей от оккупационных войск Антанты служащей интеллигенции, студенчества и отчасти городской мелкой буржуазии.

Коммунистическая партия своевременно поняла значение контрреволюционного наступления прежних властителей Венгрии. Социал-демократия же в целом, заседавшие в министерствах члены социал-демократической партии, так же как все социал-демократическое руководство, пытались преуменьшить в глазах масс значение этого контрреволюционного движения, хотя оно и было направлено не только против коммунистов, но и против «перегибов демократии». Под руководством коммунистической партии широкие слои членов социал-демократической партии приняли участие в борьбе против контрреволюционных организаций и сделали невозможным всякое их массовое выступление в столице и в промышленных центрах.

Мелкая буржуазия тоже оказалась дезорганизованной, когда вспыхнула буржуазно-демократическая революция. Старый лидер демократической партии Вильмош Важони еще во время войны дезорганизовал мелкую

буржуазию своей экстремистской политикой поддержки войны до конца и поддержкой габсбургской династии. Доктринерская, чуждая действительности, политически неопытная группировка мелкобуржуазной интеллигенции во главе с министром Оскаром Яси попыталась организовать мелкую буржуазию города в радикальную партию. Между партией Карои, радикалами и социал-демократами началась борьба за влияние на мелкую буржуазию и особенно на служащих и чиновников. В этой борьбе победа в столице досталась социал-демократам, в провинции же победила партия Карои. Партия радикалов в этой борьбе распалась и вынуждена была пойти на самороспуск накануне победы диктатуры пролетариата.

Партия Карои стала сборным пунктом богатых и средних слоев крестьянства. К ней вынуждена была присоединиться и значительная часть бюрократии, не питавшая, однако, никакого доверия к партии Карои. Большая часть интеллигенции, приписывавшая «уничтожение» 20-миллионной Венгрии графу Карои, уже только поэтому не могла быть надежной опорой его партии. Недоверие интеллигенции к этой партии возросло тем более, что партия Карои не призывала к решительным действиям против Антанты. Интеллигенция не видела никакой силы ни внутри этой партии, ни за нею, не верила в ее способность постоять за неприкосновенность Венгрии против Чехословакии, Югославии, Румынии и Рима, с одной стороны, и дать отпор рабочему классу и защитить капитализм — с другой.

В борьбе против коммунистической партии контрреволюция возлагала особые надежды на социал-демократию. Широкие массы мелкой буржуазии, чиновничество и даже офицерство устремились в социал-демократическую партию. Низшие и средние чины полиции и жандармерии также состояли в социал-демократической партии. Таким путем они пытались спасти себя от накопившегося за годы войны народного гнева и последствий возмездия масс. Но сама социал-демократия была совершенно ослаблена внутренней борьбой в своих собственных организациях между революцией и контрреволюцией.

Промышленные и сельскохозяйственные рабочие, беднейшие крестьяне даже внутри социал-демократических партийных организаций продолжали вести классовую борьбу против тех буржуазных и демократических элементов, которые наводнили социал-демократическую партию и на которые опиралось социал-демократическое партийное руководство. Это обстоятельство значительно ослабило социал-демократическую партию и профбюрократию.

Правда, «левые» социал-демократы предпринимали против коммунистов все возможное и даже невозможное, участвовали в погромах и травле коммунистов, но в то горячее время они объективно во многом способствовали тому, что социал-демократическое руководство в силу своей внутренней дезорганизации утратило влияние на массы и не могло решительно действовать против пролетарской революции. Лидеры «левой» социал-демократии под нажимом масс были вынуждены объявить, что социал-демократическая партия разгонит Учредительное собрание, если социал-демократы не получают в нем большинства. Это, с одной стороны, отпугнуло буржуазию, а с другой — дало коммунистической партии оружие для агитации против Учредительного собрания и за Советскую власть. В тот период «левая» социал-демократия и центристы объективно способствовали революционному движению, ибо в ряде случаев против своей воли ослабляли контрреволюцию и тормозили ее деятельность.

Венгерская буржуазия в то время еще не сумела наладить интернациональных связей для поддержки своей контрреволюции. И в международном масштабе только социал-демократия оставалась единственной надежной опорой венгерской контрреволюции, стремившейся к «территориальной неприкосновенности» Венгрии, чтобы иметь возможность по-прежнему жестоко угнетать трудящиеся массы национальных меньшинств: румын, словаков, сербов, хорватов. На международной конференции, целью которой было воссоздание II Интернационала, венгерские социал-демократы пытались побудить своих собратьев из стран одержавшей победу Антанты «лучше относиться к демократической Венгрии».

Австрийская социал-демократия оказывала большую поддержку венгерским контрреволюционерам не только после победы пролетарской революции, но и до этого и предоставила им в Вене широкое право убежища. Но австрийские социал-демократы тогда были заняты подавлением попыток рабочего класса в своей стране совершить пролетарскую революцию. Германская буржуазия видела в венгерской буржуазии только вероломного союзника. Буржуазия Антанты вовсе не была склонна гладить по голове графа Карои за его симпатии к Антанте во время войны и с самого начала отказала ему во всякой поддержке. С буржуазией же соседних стран (Румынии, Чехословакии, Югославии) венгерская буржуазия вела ожесточенную борьбу.

Большинство промышленного пролетариата под руководством коммунистической партии хотело покончить с капитализмом, стремилось к непосредственному переходу к социализму. Сельскохозяйственные рабочие и батраки крупных поместий приступили к разделу латифундий, на что никак не могло решиться правительство Карои. Крестьяне — обладатели карликовых хозяйств, бедняки и середняки, и даже значительная часть кулаков — враждебно относились к крупным помещикам.

Буржуазный государственный аппарат был совершенно дезорганизован, окончательно развалился. В целом ряде провинциальных городов рабочие сняли комиссаров временного правительства, выбросили на улицу чиновников и образовали директориумы — органы власти на местах. Национальный совет сам прекратил свое призрачное существование. Реорганизация военных сил по образцу австрийской социал-демократии, в форме «профсоюзной армии», была сорвана агитацией и массовыми выступлениями коммунистической партии. Полиция, жандармерия и другие особые вооруженные формирования еще колебались между буржуазно-помещичьей контрреволюцией и страхом перед коммунистами, но уже не представляли собой никакой серьезной опоры для правительства.

Таким было положение, когда венгерская буржуазия оказалась перед альтернативой: либо уйти в отставку,

отказаться от власти в пользу Антанты и ее наемников — чехословацкой, югославской и румынской буржуазии, либо же передать власть рабочему классу. Социал-демократия, как главная социальная опора буржуазии, была поставлена перед той же дилеммой, что и все другие партии буржуазии.

Этот вынужденный выбор происходил при таких обстоятельствах, о которых Жигмонд Кунфи, один из наиболее видных и опаснейших членов социал-демократического руководства, говорил:

«Правительство фактически уже прекратило свое существование, а социал-демократия была поставлена перед выбором: либо сыграть роль Носке, либо же капитулировать перед коммунистами».

Венгерская социал-демократия не взяла на себя роль Носке по отношению к коммунистической партии и революционным рабочим просто потому, что в сложившихся условиях ей не хватало для этого сил. Не хватало именно организованной вооруженной силы, а не моральной или политической воли для того, чтобы выполнить роль Носке. И поэтому, когда буржуазия была поставлена перед вопросом о сдаче власти, социал-демократия тоже была вынуждена подписаться под коммунистической платформой, на которой стояла уже не одна только молодая коммунистическая партия, но и широкие массы рабочего класса и значительная часть вооруженных сил. Если за коммунистами стояла сила оружия, то буржуазия в это же самое время была теснима еще с другой стороны — со стороны империализма Антанты.

Венгерская буржуазия, поверженный столп побежденной средневропейской империалистической группы, попыталась было переориентироваться на империализм Антанты, чтобы снова поднять голову. Но ответом на эту попытку была нота Вика: раздел Венгрии, захват подавляющей части сферы влияния венгерской буржуазии. На ноту Вика венгерская буржуазия попыталась ответить «ориентацией на Восток», но уже не могла осуществить этого, не будучи больше господствующим классом. Ей не хватало силы. Она была зажата между наступающим империализмом Антанты и натиском пролетарской революции.

Ответом социал-демократической партии на ноту Вика было принятие платформы Коммунистической партии Венгрии, что одновременно означало и принятие Советской власти как основы новой власти. Венгерская социал-демократия осуществила этот поворот, тоже находясь между двух огней: под нажимом империализма Антанты, с одной стороны, и под натиском революционного движения членов своей же партии и профсоюзов, находившихся под влиянием коммунистов,— с другой.

Вот причины того, что пролетариат Венгрии завоевал власть без вооруженного восстания и установил Венгерскую Советскую Социалистическую Республику. Но он завоевал ее хоть и без вооруженного восстания, но не без оружия и не без вооруженных боев. Буржуазия вовсе не преподнесла власть в дар рабочему классу. Она была вынуждена отойти от власти, когда у нее не осталось никаких средств вести борьбу за власть.

Почему мы не сумели воспользоваться нашей победой

Коммунистическая партия Венгрии не совершила опаснейшей ошибки: не отпрянула испуганно на самом пороге власти. Было бы доктринерством и глупостью в сложившейся тогда международной и внутривластной обстановке ответить на предложение социал-демократии, принявшей программу коммунистов и давшей таким образом возможность захвата власти, что мы лучше подождем, пока можно будет с оружием в руках ворваться в открытые двери к власти. Такого рода поведение, рекомендованное нам некоторыми руководителями германских «спартаковцев», как накануне разбираемых событий, так и впоследствии не оказало бы никакой помощи пришедшему к власти венгерскому пролетариату, а только скомпрометировало бы Коммунистическую партию Венгрии в глазах масс.

Но в то же время руководители коммунистической партии, и в первую очередь я лично, совершили ошибку, приняв в значительной мере за чистую монету деклара-

цию социал-демократических лидеров, на словах признавших платформу коммунистов, диктатуру пролетариата и Советскую власть. Нет сомнения, что падение Советской власти в Венгрии было вызвано не только субъективными ошибками коммунистической партии и ее руководителей, но и соотношением сил вовне и внутри страны. Но также не подлежит сомнению, что соотношение классовых сил внутри страны, а отчасти даже и в международном масштабе можно было бы изменить в пользу венгерского пролетариата и его революции, в пользу Венгерской Советской Социалистической Республики, если бы мы не совершили ошибки, которая состояла в объединении с социал-демократией и, как следствие этого, в отказе от самостоятельности коммунистической партии.

Это обстоятельство лишило диктатуру пролетариата в Венгрии организованного, руководящего авангарда. Роковая историческая ошибка внесла колебания в самое осуществление власти, колебания, которые в дальнейшем ходе боев неизбежно должны были охватить и трудящиеся массы. Примерно через год после свержения диктатуры пролетариата в Венгрии на эту ошибку указывал Ленин в следующих знаменательных словах:

«Ряд статей в «Красном Знамени» («Die Rote Fahne», Вена), Центральном органе австрийской коммунистической партии, вскрыл одну из главных причин этой гибели: измену «социалистов», которые на словах перешли на сторону Бела Куна и объявили себя коммунистами, на деле же не проводили в жизнь политики, соответствующей диктатуре пролетариата, а колебались, малодушничили, забегали к буржуазии, частью прямо саботировали пролетарскую революцию и предавали ее. Окружающие венгерскую Советскую республику всемирно-могущественные разбойники империализма (т. е. буржуазные правительства Англии, Франции и т. д.) сумели, конечно, использовать эти колебания *внутри* правительства венгерской Советской власти и зверски задушили ее руками румынских палачей.

Нет сомнения, что часть венгерских социалистов *искренно* перешли на сторону Бела Куна и объявили себя *искренно* коммунистами. Но суть дела от этого несколько

не меняется: «искренно» объявивший себя коммунистом человек, который на деле вместо беспощадно твердой, неуклонно решительной, беззаветно смелой и геройской политики (— только такая политика соответствует признанию диктатуры пролетариата) — колеблется и малодушничает, — подобный человек своей бесхарактерностью, своими колебаниями, своей нерешительностью совершает такую же измену, как и непосредственный предатель»¹.

Руководители Коммунистической партии Венгрии (в первую очередь та часть их, которая перед основанием партии прошла по крайней мере первую ступень школы большевизма в Советской России), не колеблясь, стали на позицию создания самостоятельной коммунистической партии и порвали как с правыми, так и с «левыми» социал-демократами. В этом отношении мы еще во время войны отличались от люксембургянцев, которые не могли понять необходимости разрыва с социал-демократией и необходимости создания Коммунистического Интернационала. Но когда мы на практике, в условиях новой ситуации встали перед задачей осуществления нашей принципиально правильной точки зрения, то оказались не в состоянии последовательно, по-марксистски, по-ленински проводить эту большевистскую политику в противовес предложению социал-демократии об объединении обеих партий.

Коммунистическая партия и ее руководство состояли из крайне разнородных элементов. Часть из них с радостью пошла на объединение с социал-демократами, поскольку и раньше выступала против основания коммунистической партии, надеясь, что им удастся «улучшить» социал-демократию, или же считая, что основание самостоятельной коммунистической партии преждевременно. Другая часть исходила из различных синдикалистских «соображений», придерживаясь того мнения, что в коммунистической партии отпадет надобность, как только будет установлено единство пролетариата в рамках Советов. Нашлись и такие, которые впоследствии осуждали

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 329.

объединение, но прежде всего на том основании, что якобы при данных обстоятельствах не надо было брать власть. Практически же мы, и в первую очередь я лично, принимая предложение социал-демократов об объединении, в своих рассуждениях исходили из того неверного, немарксистского тактического предположения, что объединение с уже продвигавшимися в Восточную Галицию частями Советской Красной Армии (18 марта по радио было сообщено, что передовой отряд Советской Красной Армии занял Тарнополь) даст возможность изолировать наиболее ненадежных социал-демократических лидеров, не ушедших при объединении обеих партий, как это сделали правые. Тактика эта была немарксистской, неленинской потому, что строилась не на реальных возможностях, а на предположениях, которые могли осуществиться, но могли и не осуществиться, как оно и случилось на деле. Во всяком случае в факте объединения с социал-демократией сказались политические колебания молодой, не вооруженной необходимым политическим опытом, принципиально и теоретически недостаточно твердой гвардии коммунистических руководителей. Эти шатания были прежде всего следствием того, что руководство не продумало до конца и не поняло истинной роли центра.

И другие наши ошибки, и прежде всего ошибка в аграрном вопросе, способствовали тому, что Венгерская Советская Социалистическая Республика не смогла продержаться и дать отпор превосходящим военным силам, брошенным на нее Антантой. Однако решающая ошибка, не позволившая нам изменить соотношение классовых сил в пользу венгерского пролетариата как в международной, так и во внутренней борьбе против революции, состояла в том, что мы не использовали нашей победы над социал-демократией, отвоевав у нее массы. Внутри объединенной партии, внутри Советского правительства все четыре с половиной месяца его существования, не прекращаясь ни на минуту, шла непрерывная борьба. Коммунисты, руководители коммунистической партии, все внесли свою большую или меньшую долю в эту борьбу против социал-демократических лидеров. Но лидеры крайне «левого» крыла социал-демократии, за

очень немногим исключением (здесь прежде всего надо упомянуть тов. Евгения Варгу), продолжали и во время Советской власти разыгрывать свою прежнюю роль. Они стали во многих отношениях главным препятствием, помешавшим коммунистам изолировать наиболее колеблющихся, наиболее враждебных социал-демократических лидеров. Кое-кто из них, как разоблачают мемуары социал-демократических лидеров, участвовал и в заговорах, ставивших себе целью насильственное удаление коммунистов из правительства. Когда ко времени созыва съезда объединенной партии дело дошло почти до разрыва между коммунистами и социал-демократами, именно эти «левые» элементы предали коммунистов и стали на сторону «единства», а фактически на сторону правых социал-демократов. Хотя мы и не были в плену у социал-демократии и не рассматривали это «единство» как истинное, все же у нас, коммунистов, были иллюзии, что нам удастся ликвидировать колебания центристов путем убеждения и перетянуть их на свою сторону.

Мы приступили, хотя и с опозданием, к развертыванию движения за нелегальное сплочение старых сторонников коммунистической партии и создание широких кадров новой коммунистической партии. В этой работе нас поддерживали не только наиболее влиятельные старые коммунисты, но и целый ряд рабочих руководителей, принявших только после 21 марта коммунистическую платформу. Эту много обещавшую попытку не удалось осуществить только из-за падения пролетарской диктатуры.

Неумение использовать победу над социал-демократией, непонимание роли социал-демократии и были основной причиной, которая при сложившемся тогда международном соотношении классовых сил привела все же после четырех с половиной месяцев к падению Венгерской Советской Республики.

Уроки, которые дала борьба венгерских пролетариев мировому пролетариату, состоят прежде всего в оценке роли коммунистической партии и в разоблачении исторической миссии социал-демократии. Ленин и Коммунистический Интернационал сделали эти уроки достоянием всего мирового пролетариата.

Эти уроки хранит в памяти и учитывает в своих боях Коммунистическая партия Венгрии. Наученная опытом, она после длительной борьбы, после ликвидации пагубных фракционных раздоров все глубже пускает свои корни, все шире распространяет влияние в массах венгерского пролетариата. И вновь во главе венгерских трудящихся идет наша партия, партия со славным прошлым, боевым настоящим и богатым будущим.

Печатается по тексту сборника: *Kun Béla. A Magyar Tanácsközlársaságról. Kossuth könyvkiadó. 1958.*

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕМУ МОЛОДЕЖЬ ДОЛЖНА НАУЧИТЬСЯ НА ПРИМЕРЕ ВЕНГЕРСКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ? . . .	3
СОВЕТСКАЯ ВЕНГРИЯ — СОЮЗНИЦА СССР. К 5-й годов- щине Советской Венгрии	14
ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ БЕЛА ИЛЛЕША «ТИСА ГОРИТ»	20
К 10-й ГОДОВЩИНЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ВЕНГРИИ	23
ПОЧЕМУ ПОБЕДИЛА В ВЕНГРИИ ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕ- ВОЛЮЦИЯ. К 15-летию Советской Социалистической Республики в Венгрии	40

БЕЛА КУН

**Венгерская Советская Республика
1919 года**

Редактор *Л. Бидинская*

Художник А. Кобрин

Художественный редактор Н. Симашин

Технический редактор А. Данилина

Подписано в набор и печать 26 февраля 1959 г. Формат 84×108¹/₁₆. Физ. печ. л. 2. Условн. печ. л. 3,28. Учетно-изд. л. 2,79. Тираж 25 тыс. экз. А 01930. Заказ № 217. Цена 65 коп.

**Государственное издательство политической литературы.
Москва, Д-47, Миусская пл., 7.**

**Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.**